

Спеціальний номер
„О прекрасной Франции“.

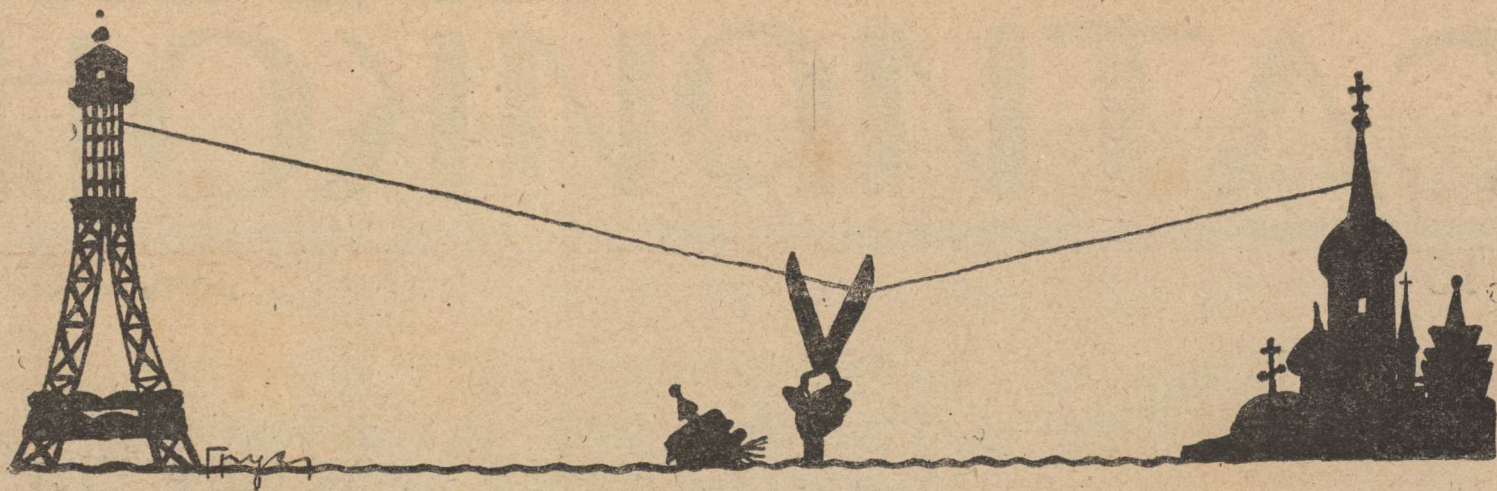
306
1918
НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 15

ЦЕНА ОТД. № въ розн. продажѣ 1 руб. и на ст. жел. дор. 1 руб. 10 к. ЮЛЬ 1918

Ф Р А Н Ц И И.

Франція, на ликъ твой просвѣтленный
 Я еще, еще разъ обернусь,
 И какъ въ омутъ, погружусь, бездонный,
 Въ дикую мою, родную Русь.
 Ты была ей дивною мечтою,
 Солнцемъ столькихъ несравненныхъ лѣтъ
 Но назвать тебя своей сестрою,
 Вижу, вижу, было ей не слѣдъ.
 Только небо въ заревыхъ багрянцахъ
 Отразило пролитую кровь,
 Какъ во всѣхъ твоихъ республиканцахъ
 Пробудилась рыцарское вновъ.
 Вышли, кто за что: одинъ-чтобъ въ морѣ
 Флагъ трехцвѣтный вольно пробѣгалъ,
 А другой—за домъ на косогорѣ,
 Гдѣ еще ребенкомъ онъ игралъ;
 Тотъ—чтобъ милой въ память ихъ разлуки
 Принести почетный легіонъ,
 Эготъ—такъ себѣ, почти отъ скуки,
 И средь нихъ отважнѣйшимъ былъ онъ!

Мы собирались, тамъ поклоны клали,
 Ангелы намъ пѣли съ высоты,
 А бѣжали—женщинъ обижали,
 Пропивали ружья и кресты.
 Ты прости намъ, смраднымъ и незрячимъ,
 До конца униженнымъ, прости!
 Мы летимъ на гноище и плачемъ,
 Не желая Божьяго пути.
 Въ каждомъ, словно саблей исполина,
 Надвое душа разсѣчена,
 Въ каждомъ дьявольская половина
 Радуется, что она сильна.
 Вотъ, ты кличешь:—„гдѣ сестра Россія,
 Гдѣ она, любимая всегда?“—
 Посмотри наверхъ: въ созвѣзды Змія
 Загорѣлась новая звѣзда.

Н. Гумилевъ.

П А Р И Ж Ъ

А. И. Хуприна

Мнѣ никогда не довелось быть въ добромъ городѣ Парижѣ, но онъ давно, съ самаго ранняго дѣтства, живеть въ моемъ воображеніи, прикрѣпившись, какъ это часто бываетъ, къ опредѣленной мѣстности, именно къ Арбитской площади въ Москвѣ, куда сходятся Знаменка, Арбатъ, Поварская и бульвары Никитскій и Пречистенскій. На этомъ небольшомъ клочкѣ я вижу его во снѣ и въ книгахъ, но только по сказочному прелестнымъ, неопи-сваемо волнующимъ, радостнымъ и тревожнымъ; здѣсь для меня поочередно включены и Гревская площадь, и Бас-тилія, и бульваръ Сенъ—Мишель, и Монмартръ, и Булон-скій лѣсъ, и всѣ улицы исторіи и романовъ. И я часто мечталъ о томъ, какъ явъ сотретъ когда нибудь безслѣ-дно это навязчивое и узкое впечатлѣніе, и я буду съ ненасытнымъ любопытствомъ, съ медлительнымъ наслажде-ніемъ, безъ усталости разглядывать подлинныя каменные и бронзовыя иллюстраціи къ милой, давно знакомой, ста-ринной легендѣ, самой граціозной, величественной и сол-нечной въ мірѣ.

Весь въ солнцѣ представлялся мнѣ Парижъ, а зна-чить и вся Франція. Какой глубокой и выразительный символъ заключенъ въ національномъ французскомъ гербѣ, особенно если сравнить его съ гербами другихъ го-сударствъ, изображающими грубую силу, тупую подлинность и безцѣльную кровожадность. Пѣтухъ, неусыпный вѣстникъ солнца и стражъ полуночи, чуткій къ переменамъ погс-ды, крикунъ и забіяка, блестящій щеголь съ длинными шпорами, въ золотомъ, зеленомъ, серебряномъ, оранжевомъ

опереній, галантный кавалеръ, страстный и невѣрный лю-бовникъ, примѣрный заботливый семьянинъ всегда зор-кій, озабоченный, бодрствующій, съ горячей кровью въ жилахъ, съ краснымъ лихимъ беретомъ на головѣ— вотъ онъ солнечный Галльскій Пѣтухъ!

Какъ часто думалось: Ну, хорошо, я теперь вижу Берлинъ, Вѣну, Мюнхенъ, Италію, Корсику, Марсель... все это нарядно, умно, громадно, красиво, своеобразно... А главное, самое главное еще впереди! Когда нибудь судьба, или собственная воля приведутъ меня въ Парижъ—и отъ одной этой мысли сердце замирало въ улыбка ожиданія и предчувствія какъ, должно быть, оно замираетъ иног-да у юныхъ дѣвушекъ, просыпающихся для любви. И, вотъ, мечта, такъ долго и тяжело лелеемая, такъ нетерпѣливо откладываемая, угасла навсегда...

Городъ ума, вкуса, знаній, вдохновенія, изобрѣтатель-ности, напряженнаго труда, искусства и науки, городъ, влюбленный въ красоту, и обожествившій женщину, городъ, подобно гигантскому неистекаемому резервуару, изливав-шій по всему свѣту свободу и мысль, городъ гдѣ каждый кусокъ мостовой ознаменованъ славой, героизмомъ, кро-вью, цвѣтами, творчествомъ, величіемъ и безконечной лю-бовью къ родинѣ, городъ—поэма, городъ-исторія величай-шей страны, могучій и нервный пульсъ міра—прекрасный городъ Парижъ сталъ для насъ потеряннымъ и нынѣ недо-сягаемымъ волшебнымъ царствомъ, какъ для того дурака изъ сказки, которой оскорбилъ добрую фею, владѣтель-ницу чудеснаго острова неучтивымъ поведеніемъ и небла-

годарностью и за это мгновенно проснулся у себя въ сыромъ подвалѣ.

Пусть мнѣ говорятъ иные: все образуется, пройдетъ время, и раны заживутъ, отношенія наладятся, и мы, наученные горькимъ опытомъ, поумнѣемъ и снова можно будетъ прїѣхать въ Парижъ безъ риски, что тебя спустятъ съ лѣстницы отеля, вышвырнутъ изъ ресторана, или не пустятъ въ Луврскій музей.

Конечно, такое время придетъ, и въ этомъ я не сомнѣваюсь. Я даже думаю, что лѣтъ черезъ сто прогрессъ человѣчества позволитъ нѣмцамъ и французамъ говорить безъ раздраженія о Седанѣ и Реймсѣ. Но и черезъ десять тысячъ лѣтъ, какъ только, въ Парижѣ въ присутствіи русскаго зайдетъ разговоръ о событіяхъ 1918-го года, вѣжливыя французы быстро переглянутся, умолкнутъ на мгновеніе съ оскорбительнымъ состраданіемъ и незамѣтно скользятъ на другую тему. Неловко же напоминать поэтому про то, какъ его предокъ обезсмертилъ себя предательствомъ и пассивнымъ пособничествомъ убійству.

Но хочу вѣрить и вѣрю всѣмъ сердцемъ въ счастливую звѣзду Парижа, вокругъ котораго теперь смыкается, сжимая его, кольцо германскихъ дивизій, вдохновляемыхъ своимъ грознымъ, кровавымъ нѣмецкимъ Богомъ. Есть другой, истинный, добрый Богъ земли, даровавшій людямъ умъ, стремящійся къ свѣту, сердце, открытое для любви, свободную душу и тѣло, которое онъ создалъ для радости, смѣха, музыки и созерцанія земныхъ благославенныхъ чудесъ. Онъ пощадитъ великій городъ Разума и Красоты.

А. Купринъ.

СТРОФЫ ФРАНЦІИ.

Нельзя быть ближе, быть нѣжнѣе,
Чѣмъ сердце странниковъ и Ты,
Чѣмъ встрѣчи вѣрныхъ у черты,
Гдѣ вдаль расходятся аллеи
Для всѣхъ идущихъ въ Домъ Мечты
Взглянуть на свѣтлые трофеи...

Горятъ въ міру твои пороги—
Изъ за незидимыхъ морей,
Отъ книгъ и тайныхъ алтарей
Индусъ коричневый и строгій,
Арабъ—тоскующій еврей—
Бредутъ, вздымая пыль дороги...

И сынъ задумчиваго Будды,
Оставивъ мирное житъе,
Бросаетъ солнце Токио,
Минуетъ садъ, гдѣ въ изумрудахъ
У вишенъ алый цвѣтъ поетъ
И въ путь спѣшитъ на зовы чуда...

А кто въ Европѣ видитъ дали,
Кто свѣтлый полюбилъ маякъ,
Фригійскій, солнечный колпакъ,
Кому всѣ страны не сказали
Того, что скажетъ тайный знакъ,
Твои украсившій Скрижали,—

Тотъ чтитъ тебя, святую Дѣву
Твои прекрасные глаза,
Гдѣ въ Божьемъ пламени слеза
Даетъ сіянье злу и гнѣву...
Давно суму свою связалъ
Идущій славить Женевьеву...

Нельзя быть ближе, быть нѣжнѣе,
Чѣмъ сердце странниковъ и Ты,
Чѣмъ встрѣчи вѣрныхъ у черты,
Гдѣ вдаль расходятся аллеи.
Для всѣхъ, идущихъ въ Домъ Мечты...

Александръ Флитъ.

ПУСТЯКИ.

Замѣтка А. С. Грина.

Когда нибудь я поѣду во Францію. Мнѣ хочется побывать тамъ.

Иногда во снѣ я вижу Парижъ, но никогда, почему то, нѣтъ въ немъ Эйфелевой башни, французскихъ булокъ, Булонскаго лѣса, гризетокъ и монпансье.

Онъ какой-то... странный, сильно волнующій... прекрасный; все въ немъ, полно тревожной значительности; все въ свѣтлой тѣни... огромно и музыкально.

Во снѣ я твердо знаю, что прїѣзжаю въ него во второй разъ.

Такъ вотъ, скажемъ, я изучилъ испанскій языкъ, укралъ у испанца паспортъ и, твердо бормоча каждому:

— „Сеноръ кабалеро“... поселился въ скромнѣйшей комнаткѣ съ,—непремѣнно,—отдѣльнымъ ходомъ, а почему,—скажу послѣ.

Днемъ я изучаю Парижъ; ночью сплю. Сначала я дикъ и вялъ. Я еще чужой всему, что меня окружаетъ. Чуждый жизненный ритмъ мѣшается съ моимъ ритмомъ; все дѣлаю невпопадъ, все не такъ; мнѣ психологически неудобно, хотя чувствую я себя великолѣпно, какъ человѣкъ, сѣвшій за вкусный обѣдъ безъ ножа и вилки... ѣмъ, пока, все, пальцемъ и ложкой.

Наконецъ, духъ націи проникаетъ въ меня. Я начинаю понимать, почему, на примѣръ, аптекарь догоняетъ меня на улицѣ, прося захватить забытую, въ магазинѣ, покупку; почему, плача объ убитой бомбой женѣ, мужъ становится въ театральную позу; почему длинноволосый художникъ, не пьяный, вздумалъ плясать среди дѣтей, на бульварчикѣ; почему, яростно раскатавъ войну, Жоффра и Фоша, зеленщикъ Турбело поспѣшно надѣваетъ ранецъ и мчится къ вокзалу; почему, забѣжавъ въ мою комнату, сосѣдка Режи, безъ видимой, личной нужды, двумя—тремя опытными движениями наводитъ блескъ и порядокъ; многое начинаю я понимать и, разумѣется, тому радоваться.

Я люблю Францію. Вѣдь, это—наша вторая родина. Какъ она много дала намъ! А мы?

Ну—съ, короче говоря, дѣло, надо полагать, окончится тѣмъ, что я увлекусь французенкой, обольщу ее испанскимъ наслѣдствомъ и женюсь.

Что же изъ этого получится?

Мракъ и ужасъ... я уже вижу... вижу... слышу уже себя... слышу!

Сплю я, и во снѣ говорю по русски: „Эхъ распашолъ! хар-рошая моя“... „Извозчикъ, на Гороховую... мародеръ! сорокъ копѣекъ“... „чего тебѣ нужно? Ничего не нужно... Отчего ты блѣдный? Оттого, что бѣдный“...

Меня будятъ... Какъ измѣнилось лицо жены? Кто эта женщина? Я не узнаю ее. Она блѣдна...

— Ты... русскій?!

Все кончено между нами.

Вотъ тутъ то и понадобился мнѣ отдѣльный ходъ изъ моей комнатки. Днемъ я сплю, или дѣлаю видъ, что сплю, а ночью ѣмъ и хожу гулять.

Но, если днемъ, заперевъ дверь, я избѣгаю назойливаго любопытства сосѣдей, то ночью это мнѣ, не всегда удается. Здѣсь стерегутъ меня сосѣди воздушные. Слышу я голоса:

— Русскій! Остановись!

Голосъ, какъ во снѣ,—беззвученъ, но вполне ясенъ. Оглянувшись, вижу я людей, закрывшихъ лицо руками... они мчатся и падаютъ... мчатся и падаютъ... они въ крови.

— Бѣдный русскій...

Кто сказалъ это?

— Ты воинъ?

— Нѣтъ.

— Но твое перо...

— Простите меня.

— Ты написалъ о...?

— Нѣтъ... я, вѣдь... испанецъ...

— Прощай.

О чемъ же, это, мы говорили сейчасъ?

О Франціи.

Обнажимъ головы.

Но мы, вѣдь,—шутили?

Какъ сказать.

А. С. Гринъ

ПРИВѢТЬ ТЕБѢ, ГРАЖДАНИНУ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦІИ,

Рис. А. Рудакова.

умѣвшему гордо рвать цѣпи рабства, низвергать сильныхъ и защищать слабыхъ...

ПРИВѢТЪ ВАМЪ,

Рис. К. Гуса.

вдовы Франціи, безропотно посылавшимъ на защиту отечества своихъ мужей и сыновей..

МЫ ЛЮБИМЪ.

Фельетонъ Арк. Бухова.

I.

Вы навѣрное встрѣчали такихъ людей. Земскій агрономъ, учитель изъ прогимназіи, или средній служащій изъ контрольной палаты—загорѣлый, съ потрескавшейся кожей на лицѣ, некрасиво обросшій человекъ въ темныхъ очкахъ, буйный во хмелю, безкорыстный чудакъ въ трезвое время, мучающійся за свой вылъзающій сбоку галстукъ и бахрому на штанахъ и въ то же время твердо знающей, что не сумѣетъ онъ носить брюки съ хорошей складкой, не сумѣетъ онъ хорошо завязать галстукъ и не зашепчутся подросточьимъ весельемъ и почтительнымъ шопотомъ гимназистки, когда онъ пройдетъ мимо нихъ на улицѣ.

Такіе люди всегда влюбляются просто и мучительно-спокойно въ губернаторскихъ дочерей, нѣжно-хорошенькихъ, хрупкихъ, глупо-презирающихъ и блѣдныхъ отъ ночей наполненныхъ музыкой и топотомъ о паркетъ.

Все здѣсь въ этой любви. И отчаянье отъ невозможности когда-нибудь грубой широколадной лапичей схватить тонкую ручку, съ длинными красивыми пальцами и благоговѣнно поднести ее къ губамъ; и корявые отъ пивного хмѣля ожиданія, въ безсонныя ночи на низкой кушеткѣ съ вылъзающей мочалой, какого-то чуда, которое бы обрילו волосатаго человека, выпрямило его сутулую спину, одѣло въ сверкающей пуговицами бѣлый китель, опрыскало сладкими духами и подтолкнуло, съ одобряющей улыбкой, на скользкій паркетъ навстрѣчу милой, улывающей фигуркѣ. И отточенное, темно-преградное сознание, что никогда, никогда, никогда рука въ прозрачномъ синеватомъ газѣ дорогого платья не прикоснется къ черному рукаву грубаго пиджака, не знавшаго другихъ запаховъ, кромѣ табачнаго, трудового пота и дешеваго одеколна изъ пробныхъ флакончиковъ...

И ко всему этому—нѣжность. Грустная, теплая нѣжность привязанности и благоговѣнія...

Такъ у насъ, такъ и мы, такъ и по всей Россіи, берложной, степной и корежистой, любятъ Францію.

II.

Мы безулыбочное племя.

Мы смѣемся, хохочемъ, иногда просто ржемъ, но для того, чтобы выдать у насъ признаки смѣха, нужны фактическіе документы. Нашъ смѣхъ, точно судебный приговоръ послѣ разбирательства. Сшутить кто-то, упалъ, попалъ въ корявое положеніе—соизволили засмѣяться. Но улыбки простой, изъ души исходящей, чтобы безъ причинъ она была, а такъ, какъ птицы поютъ—нѣтъ у насъ. Улыбки, потому что сегодня славное небо, бархатное солнце и сочная, благосклонная къ камнямъ зелень на деревьяхъ—нѣтъ ея. Есть только національная, глубокая тоска о ней. Мы любимъ французовъ, за то, что у нихъ во всей исторіи народа, во всей повседневной жизни голубой лентой проходитъ это величайшее благо и чудеснѣйшее изъ искусствъ на земномъ шарѣ—жить, расти и умирать, падать и подниматься—съ улыской.

Мы называемъ дѣлового человека американцемъ; англичаниномъ называемъ джентльмена, умѣющаго говорить не повышая тона и помочь слѣпому перейти улицу. И никого не называемъ французомъ. Среди себя мы не встрѣчаемъ людей, къ кому бы подходило это названіе.

Все, что происходило, или происходитъ во Франціи намъ кажется всегда героичнымъ и красивымъ. У ней другая душа. Фран-

зы ея герои звучать величественнѣ. Ея героизмъ обаятельнѣ. Ея языкъ пѣвучѣ. Ея бытъ красочнѣ.

Мы знаемъ о томъ, что Венеція грязна. О томъ, что въ Константинополь по улицамъ бродятъ голодные шелудвые собаки. Мы знаемъ, что подъ лондонскими мостами грязь и бандиты.

Но мы ничего подобнаго не хотимъ знать о Парижѣ. Его дно болѣе занимаетъ насъ, чѣмъ особняки нью-йоркскихъ миллиардеровъ, его нищенствующій Монмартръ-Кремль нашей интеллигентной богемы, его театры и бульвары—затаенная мечта нашего мѣщанства, прикапливающего деньги въ сберегательныхъ кассахъ...

И если въ Тетюшахъ открывается первая въ городѣ гостиница, надъ вторымъ этажомъ прибавается вывѣска, на ржавомъ желѣзѣ ея не можетъ стоять много имени—кромѣ какъ: Парижъ.

Развѣ можетъ думать влюбленный земскій агрономъ, что есть еще у кого-нибудь такіа надушенная, чудесно-дорогія перчатки, и такіа цвѣты, приколотыя къ платью, какъ у губернаторской дочки...

III.

И тяга къ Франціи, къ французскому у насъ во всемъ. Непонятная, трогательная, крѣпкая.

Сельская учительница въ батистовой кофточкѣ, откывавшая себѣ два года въ карамели и лишнихъ ботинкахъ, студентъ-репетиторъ съ прокуренными дешевымъ табакомъ усами, выбившейся изъ нищеты провинціальный интеллигентъ, да перечислить ли всѣ несчастныхъ хмурой Россіи—все это видятъ въ своихъ дневныхъ снахъ мечту о томъ, какъ-бы посмотрѣть Францію.

Русскія экскурсіи ѣдутъ бѣгомъ по всей Европѣ, пока не побывають во Франци, или ея символическомъ цвѣткѣ—Парижѣ. И что-то подогрѣваетъ, что-то подбадриваетъ, опрыскиваетъ живой водой эту національную влюбленность. У насъ нѣтъ франкофильской прессы; нѣтъ казенныхъ указаній о необходимости этой любви, но сколько бы каръ за противное ни висѣло надъ нами, сколько бы золота ни сыпалось въ карманы негодяевъ націи—это не достигло бы и сотой доли того, что создается такъ.

Помните какъ къ намъ пріѣзжали американцы? Толпа глазѣла на крѣпконогихъ американскихъ матросовъ, ихъ загорѣлыя шеи и твердыя, сухопутныя шаги. Ихъ привѣтствовали рѣчами. Ходили на англійскіе броненосцы, когда они стояли у насъ. Умилялись европейскимъ видомъ каждаго матроса и офицера. Ихъ уважали на улицахъ, какъ мы уважаемъ правовую Англию у себя въ кабинетахъ.

А когда пріѣзжали французы—помните вы эти цвѣты, это море картузовъ и котелковъ около каждой матросской шапки съ черными лентами и золотой надписью...

Можно весь домъ убрать цвѣтами. Но самой любимой вѣточкой все-таки остается та, которая любовно засушивается въ потрепанной записной книжкѣ.

IV.

На ближнемъ Уралѣ есть нѣсколько казачьихъ станицъ съ неподходящимъ для края названіями: Лиссабонъ, Англія. Мнѣ рассказали, что это началось съ того момента, когда первую такую станицу, выросшую изъ маленькаго хуторка назвали: Парижъ.

— Это въ честь ссыльнаго одного...

— Почему это? Парижанинъ былъ?

— Куда тамъ. Нашъ. Кажись — московскій. А только пилъ онъ по Парижу много...

Около начала скучной Оренбургской степи стоялъ маленькій хуторъ. Его купилъ какой-то угрюмый человекъ, высланный изъ столицы за черту Европейской Россіи. вмѣстѣ съ этой высылкой въ немъ умерла вѣра въ самое желанное: пожить во Франціи. Два раза онъ пытался убѣгать, переходилъ на нелегальное положеніе, но возвращался. Не выдерживалъ активности жизни человека съ чужимъ паспортомъ. Послѣ второго раза вернулся и запилъ. Горько, сумрачно и всхлипывающе, какъ, пьютъ на окраинахъ. Пилъ съ крестьянами, перехватывалъ по дорогѣ чужихъ людей и пилъ съ ними; съ бродягами, съ разнымъ людомъ. И, въ пьяномъ поту, грузный и душевно-отравленный рассказывалъ такимъ-же пьянымъ, какъ онъ, о Парижѣ, котораго онъ никогда не увидитъ. Хуторъ свой онъ назвалъ Парижемъ. Года черезъ три послѣ непрерывнаго пьянства, онъ повѣсилъ у себя на заднемъ дворѣ въ коровьемъ хлѣву. Хуторъ попалъ въ руки дѣловаго человека; около него стали застраиваться. И въ память человека, висѣвшаго въ коровьемъ хлѣву на веревкѣ, станца назвалась Парижемъ.

V.

Кто можетъ порвать нашу любовь къ Франціи и французскому? Никто. Вѣдь мы любимъ ее не по тѣмъ контрактамъ, которые называются военными, или торговыми договорами. Эти договоры можетъ бросить въ огонь не только чужая, но и своя рука; мы въ такомъ положеніи, что чужая деревянная воля можетъ запретить намъ произносить имя любимой — но что значать ухищренія сухихъ департаментовъ, министерскихъ и тайныхъ посольскихъ канцелярій предъ святыми рублями, скопленными сельской учительницей на поѣздку во Францію...

Привѣтъ же тебѣ, Франція... Привѣтъ твоей улыбочной жизни и героической борьбѣ, твоему солнцу и твоимъ слезамъ, твоей волѣ и шелку знаменъ твоихъ. Ненавидящія кровь, мы цѣлуемъ кровь изъ ранъ твоихъ, раздавленные, мы цѣлуемъ слѣды твоей твердой поступи и одно только хочется кинуть тебѣ черезъ отдѣляющую насъ равнину завѣсу: любимъ.

Арн. Вуховъ.

ЗА ГАЗЕТОЙ.

Впечатлѣнныя смутнымъ не ввѣряясь
Подождемъ рѣшительныхъ побѣдъ.
Говорятъ, что нѣмцы, продвигаясь,
Съѣсть хотятъ, въ Парижѣ, свой обѣдъ.

Но... лиха — бѣда — одна „возможность“:
Въ дѣлѣ правомъ побѣждаетъ тотъ
Чья, необходимо, осторожность,
Въ ливинный гнѣвъ, мгновенно, перейдетъ.

А тому имѣются примѣты:
Межъ Курселемъ и Мори — пока
Нѣмецъ ошарашенъ и, ужъ, гдѣ-то,
Оттащилъ назадъ свои войска.

Впечатлѣнныя смутнымъ вѣрить — ложно;
Подождемъ, желанныхъ намъ, побѣдъ.
Отчего же? Слова „невозможно“
На французскомъ діалектѣ нѣтъ.

А. С. Гринъ.

Слѣдующій № 16 „Нов. Сатирикона“

спеціальный

„О ЖИВОТНЫХЪ“.

ГЕНІЙ ПАРИЖА.

Фельетонъ П. Рысса

Въ печали нашихъ дней, въ тоскѣ умирающаго Петрограда я часто думаю о Парижѣ. И тогда внезапно перестаю интересоваться политикой, исчезаетъ холодная бухгалтерія реальностей, и приходитъ уже прожитая молодость, и мы бесѣдуемъ о старомъ, уже умершемъ, но не забытомъ. Ибо Парижъ не забывается, какъ жизнь непрерывна, какъ любовь — не умирающа.

Въ Парижѣ — завершенная гармонія. Въ немъ — мѣра людямъ, вещамъ, мыслямъ и ощущеніямъ. Онъ просыпается — этотъ волшебный старикъ, — и поетъ пѣсню жизни. Онъ работаетъ и — поетъ. Отдыхаетъ, и несутся звуки пѣсни. Засыпаютъ — подъ пѣніе творящей жизни. Въ этомъ смыслѣ существованія Парижа. Онъ поетъ — твоя и творитъ легко, быстро, подъ пѣніе. Это для чужаковъ, нагло ворвавшихся въ Парижъ, — онъ лишь Вавилонъ, наполненный блудницами. Для своихъ, для тѣхъ, кто сжилъ съ городомъ, кто дышетъ воздухомъ не притоновъ и не шикарныхъ ресторановъ, — для нихъ Парижъ — идея, воплощенная въ дѣйствіе.

Есть идея добра. Есть идея красоты. Есть идея творчества. И есть Парижъ, который въ себѣ самомъ несетъ добро, красоту, творчество. И потому такъ прекрасенъ этотъ городъ, такъ плавны его движенія, такъ изященъ его умъ. Припомните: никогда за все время своего существованія, Парижъ не былъ вѣтренно безобразенъ. И даже тогда, въ эпоху крови и ужаса, въ дни революціоннаго террора, была красота даже въ Маратѣ, знавшемъ настоящія слова. Парижъ чеканитъ мысль и слово. Онъ любитъ точность, языческую форму и презираетъ ложь неопредѣленностей. Парижъ вѣшалъ и рѣзалъ, заставлялъ трепетать Европу. Его боялись, его ненавидѣли. Но ни тогда, ни теперь надъ нимъ не издѣвались. Ибо посмѣшищемъ можетъ быть Петроградъ, Парижъ — никогда!

* * *

Онъ любитъ трудъ и потому такъ легко работаетъ. Любитъ умъ и потому такъ точно мыслитъ. Любитъ красоту и потому такъ изящны его формы. Парижъ знаетъ секретъ созиданія, чего не знаютъ ни Берлинъ, ни Лондонъ, ни Нью-Йоркъ, ни даже Римъ. Въ созиданіи нѣтъ тлѣнности, живетъ перевоплощеніе. Умирая, парижанинъ не тоскуетъ, ибо онъ чувствуетъ, что на смѣну ему преемственно приходитъ другой, что, уходя въ вѣчность, онъ — умирающій свой геній воплотитъ въ ему наследующемъ. И потому такъ ритмиченъ Парижъ, такъ ритмичны его люди. Нѣтъ прерывнаго, пусто-преходящаго. Есть вѣчное, какъ вѣчны тѣ идеи, которыми дышетъ Парижъ.

Бывали страшные дни, когда — казалось — смерть распускала надъ Парижемъ черныя свои крылья. И тогда великій городъ бросалъ вызовъ смерти — и побѣждалъ ее. Изъ кривыхъ улицъ фобурговъ высыпали люди. Плохо-вооруженные, грязные, голодные — они бодро шли навстрѣчу врагу, гибли съ пѣсней на устахъ — и въ наследство потомкамъ оставляли неумирающія идеи, которыя затѣмъ расхищались человечествомъ. И въ 1636 году, и въ 1813 — 14, и въ 1871, какъ, быть можетъ, въ эти дни, парижскія мостовыя не ощущаютъ стыда. Врагъ увидитъ борцовъ, презирающихъ смерть. Такихъ противниковъ уважаютъ. Можно убить парижанина, но побѣдить ни идеи, ни факта Парижа никакъ нельзя.

* * *

Огъ бурлящихъ улицъ Парижа хорошо уйти на его тихія кладбища. Я никогда не чувствовалъ тамъ забвенія смерти. Нѣтъ, сюда, подъ тѣнь деревьевъ, въ тишину вѣчности Парижъ какъ бы отсылаетъ усталыхъ создателей жизни. И здѣсь — солнечно, ритмично, и нѣтъ тоски. Человекъ умеръ, что-жъ! Умерло старое или больное тѣло. Но тамъ, въ гремящемъ городѣ, остались продолжатели мыслей и дѣлъ покойнаго, и во славу ихъ будутъ создаваться и совершенствоваться новое и старое. Но между новымъ и старымъ нѣтъ пропасти. Объ этомъ вамъ расскажетъ тихо-улыбающееся кладбище. Здѣсь могилы — лишь временное успокоеніе. И здѣсь вы ощущаете вѣчность, ясную и мудрую; ничѣмъ непобѣдимую.

ПРИВѢТЪ ТЕБѢ, ФРАНЦІЯ,

Рис. В. Лебедева.

заботящаяся, какъ мать, о каждомъ воинѣ своемъ.

ПРИВѢТЪ ТЕБѢ, ВЕЛИКІЙ НАРОДЪ,

Рис. Ре Ми.

въ тяжелыя для отечества минуты, одухотворяемому мечтой о его величіи и готовому умереть за него...

Кладбища Парижа—мудры и созерцательны. Въ нихъ нѣтъ разслабляющей печати и безнадежной тоски. Тутъ только измѣненная форма вѣчнаго бытія духа.

* *

Я люблю Парижъ за его гармоничность. Здѣсь нѣтъ наглой пышности комиссіонеровъ. Здѣсь нѣтъ и грязной нищеты, озлобленной и тупой. Здѣсь можно годъ кряду питаться однимъ хлѣбомъ и сахаромъ на су въ день. Здѣсь—тысячи человѣкъ, плохо питающихся, но городъ растворяетъ въ себѣ горечь нищеты, улыбается и учитъ мудрости, имя которой—мѣра. Онъ укрощаетъ безвкусіе разжирѣвшаго выскочки, онъ смиряетъ гнѣвъ деградированнаго аристократа. И между ними онъ протягиваетъ тонкую, но стальную цѣпь, которой оба они связаны. И держать эту цѣпь геній Парижа. Вотъ почему безконечно велико уваженіе парижанина къ традиціи своего города, вотъ почему духъ разрушенія останавливается у воротъ Парижа, смиряется—и исчезаетъ. Вотъ почему негръ изъ Тимбукту, англичанинъ изъ Портсмута, помѣщикъ изъ

Пензы и желтолицый торговецъ изъ Шанхая быстро перевариваются Парижемъ, растворяются въ немъ и образуютъ единую семью, руководить которой геній Парижа.

* *

И я не повѣрю, чтобы этотъ великій и прекрасный городъ могъ погибнуть отъ руки человѣка. Можно снести Notre Dame, можно пушечными ядрами разметать церковь св. Евстафія, можно кровью залить узкія улицы предмѣстья св. Антонія. Но останется Парижъ, какъ обиталище и мѣстороженіе великихъ идей, возвышенныхъ чувствъ и благородныхъ дѣяній. Черезъ столѣтія пронесется радость труда, и вновь Парижъ, подъ неумолчный напѣвъ веселой пѣсни, будетъ созидать, изъ стараго творитъ новое, любя жизнь и не боясь смерти.

Жизнь есть трудъ. Трудъ—долженъ быть веселымъ. Веселье въ мѣру. Мѣра—въ страданіяхъ. Такова сущность Парижа, его геній, его правда.

Петръ Рыссы.

Рис. Н. Д.

БЕЗСМЕРТНОЙ ФРАНЦІИ.

Статья А. Амфитеатрова.

„Mon nom sous le soleil est France!
Je réviendrai dans la clarté,
J'apporterai la délivrance,
J'apporterai la liberté!“

Въ тяжкое время, когда наша „одна шестая часть земного шара“ питается одною шестнадцатою фунта хлѣба и, съ голодухи, готова хоть псу въ ноги кланяться, воля прежалостнымъ урчаніемъ пустого брюха:

— Зови насъ курицыными сынами,—только хлѣбомъ корми!...

Въ тяжкое время, когда на пространствѣ „одной шестой части земного шара“ слово „отечество“ безъ (эпититовъ) объявлено чуть не измѣническимъ, гражданская война превращается учрежденіемъ постояннымъ, а мольбы объ ея прекращеніи официально аттестуются „пошлостью“.

Въ тяжкое время, когда не стало величайшаго изъ государствъ и, въ распавшихся нѣдрахъ его, слово „нація“ сдѣлалось почти ругательнымъ; а „народъ“ отошнѣлъ самому себѣ и даже мимо рѣкъ ходитъ, отвернувъ глаза въ сторону, дабы не узрѣть въ зеркалѣ струй искаженнаго лика своего и не сконфузиться краснѣющими на немъ пятнами Каиновой печати и Иудина поцѣлуя!

Въ тяжкое время, когда русская безхарактерность, послѣ русскаго бахвальства, предали и продали рѣшительно всякаго бога и всякую святую, числившуюся за русской душой, и обратили русскую честь въ родъ плевалницы для торжествующихъ побѣдителей съ одной стороны и для обманутыхъ, оскорбленныхъ и обокраденныхъ народовъ, которымъ мы измѣнили, съ другой.

Въ тяжкое время, когда за душею у бывшаго русскаго человѣка не остается ничего, кромѣ безтолковыхъ воплей крикливаго самообмана, съ которыми насмѣшливымъ эхо перекликаются развалины отставной Россіи, и мы только тѣмъ сыты бываемъ, что другъ друга ѣдимъ.

Въ тяжкое время, когда, во имя невѣдомой будущей „высшей культуры“, наплевали мы въ глаза всякой достигнутой культурѣ и выгнали ее изъ дома своего пинками и заушеніями—въ какое попало мѣсто; а слугъ ея частію живота лишили, частію выбросили на улицу просить колѣнопреклоненно милостыню у „ликующихъ, праздно болтающихъ, обогрѣвающихъ руки въ крови... хамовъ и троглодитовъ“.

Въ тяжкое время, когда взаимная ненависть почитается добродѣтелью, разумное доказательство ересью, гуманность порокомъ, совѣсть предразсудкомъ; когда свобода срамитъ себя, чередуясь въ роляхъ то тюремщицы, то базарной дѣвки, и перешиваетъ красный флагъ революціи то въ красную рубаху палача, то въ закликательную занавѣску развеселаго залика съ танцующей.

Въ тяжкое время, когда рука патриота, ищущая въ русскомъ болотѣ хоть какой нибудь твердой точки, безнадежно попадаетъ, куда ни сунь, въ расплывчатый кисель кровавой грязи; когда изъ трехъ русскихъ два труса, а третій лжецъ демоного, поджидающій четвертаго—провокатора; когда воинъ не воюетъ, учитель не учитъ, купецъ не торгуетъ, рабочій не работаетъ; и всѣ презираютъ и подозреваютъ другъ друга; и всѣ, въ невольномъ и вольномъ бездѣйствіи, околдѣваютъ отъ голода и злости; и человѣкъ человѣку—даже не волкъ уже, а какая то скверная помѣсь тигра съ геной—

Въ это ужасное время, единый свѣтлый лучъ озаряетъ и грѣетъ угрюмую, мракомъ и холодомъ объятую, душу мою.

Лучъ отъ вашего далекаго западнаго солнца, великіе, благородные святые латинскіе народы! Потомки и наслѣд-

ники вѣчнаго учителя цивилизаціи и всечеловѣчества, могучаго, мудраго Рима!

Твой лучъ, о, Франція. Мать свободы, отчизна культуры! надежда и свѣтъ міра!...

Великая! Любимая! Услыши—прости и спаси насъ!

Спасешь ли? Не поздно ли? Въ силахъ ли ты еще искупить окаянство наше—воскресить умученныхъ, сама умученная?

Увы! Даже не семью мечами сейчасъ пронзено сердце твое, Скорбная Мати, а вся ты исколота, изрублена, израна, и рѣки твои текутъ уже не водою, а красною кровью растерзанныхъ венъ твоихъ!

Мысль твоя мутится отъ снарядовъ, громящихъ твою голову непрерывнымъ свинцовымъ дождемъ. Ты задыхаешься отъ удушливыхъ газовъ, окутывающихъ тебя безпощаднымъ облакомъ. Ноги твои дрожатъ отъ усталости. Сердце твое—Парижъ—въ опасности остановиться. Голодъ заглядываетъ въ глаза твои, какъ воронъ, выжидающій, авось пора ихъ выклевывать.

Но ты, великая, гордая свободная, неустрашимая, все та же въ язвахъ и ранахъ своихъ, что въ началѣ принятаго вызова, подъятаго подвига. Та же, что въ вѣкахъ, что всегда. Ты вся ушла въ руки и великую волю—идею, руками повелѣвающую. И—можетъ быть, изъ послѣднихъ силъ, но крѣпко держать руки твой мечъ и твой щитъ. И не выпадутъ они изъ рукъ твоихъ, развѣ что проклятый врагъ отстрѣлитъ тебѣ и самыя руки...

Но тотъ день, когда свершится твое несчастье,—не будетъ ли послѣднимъ днемъ свѣта на землѣ? Потому что, вѣдь, за щитомъ твоимъ стоятъ, какъ дѣти твои, вся Свобода міра, вся Человѣчность, вся Цивилизація. Когда рухнешь ты, эти три твои дочери испытаютъ участь дѣвушекъ города, взятаго приступомъ дикарей. Онѣ будутъ изнасилованы и умерщвлены, какъ уже изнасилованы и умерщвлены онѣ у насъ, въ покорившейся нѣмецкому сапогу, обманутой, оскандаленной Фѣдоръ-Россіи.

О, великое счастье гражданъ, для которыхъ произнести слово „отечество“ значитъ то же, что произнести слово „міръ“! Которые знаютъ, что, спасая отечество, они міръ спасаютъ! Для которыхъ „патріотъ“ и „гражданинъ міра“—равнозвучны!

Ему обѣщаетъ польъ міра,
А Францію только себѣ...

Хитрый онъ былъ, Наполеонъ,—обманывалъ „любимаго сына“ въ обѣщаніи этомъ. Потому что: кто владѣетъ Франціей—владѣетъ всѣмъ міромъ. Ибо міръ дышетъ ею, мыслить ею, любить ею. Она его легкія, мозгъ, его поль. Убейте Францію,—міръ сойдетъ съ ума и упадетъ оскорбленнымъ трупомъ. Кто измѣняетъ Франціи, измѣняетъ міровому разуму и теряетъ свой собственный разумъ. Ты, бѣдняга, горемычная наша Фѣдора, Россія, измѣнила ей сдурю—и, въ тотъ же мигъ, превратилась въ домъ сумасшедшихъ.

И кто теперь можетъ исцѣлить несчастный, отравленный, порабощенный, одичалый твой разумъ,—кромѣ ея же, вѣчной цѣлительницы угнетенныхъ народовъ, заступницы униженныхъ, мстительницы оскорбленныхъ?

Лишь бы сама то она осталась жива...

Но развѣ можно умертвить Францію? Умертвить безсмертіе?! „La France est immortelle!“—поетъ ея народъ. Грубый нѣмецкій кулакъ можетъ ошеломить ее обморокомъ, но—нѣтъ! не убить ему Франціи! не выбить души изъ міра!.. Не обратитъ вселенной въ пустыню, въ которой и ему то самому, побѣдителю себѣ на бѣду, останется тогда только сдохнуть, за міровое обжорство свое, отъ несваренія желудка и смертельной скуки.

Но обмороки, какъ бы ни были глубоки и продолжительны,—все же,—преходящи. И Франція,—безсмертная Франція,—очнется и оживетъ. И вновь мы, благоговѣйные, увидимъ ее, великую, неизмѣнную, спасительницу идей и народовъ, въ сіяніи вѣчной славы вѣчнаго культурнаго подвига:

— Мнѣ имя—Франція! Въ явленіи,
Подобномъ солнечнымъ лучамъ,
Я принесу вамъ искупленіе!
Я принесу свободу вамъ!

Франція! Пока ты живешь, можно вѣрить въ смыслъ жизни и не краснѣть за Человѣка съ большой буквы, какъ бы ни пакостно срамился онъ съ буквы маленькой. Ибо стоять за тебя—значитъ спасти достоинство Человѣка. Отступить отъ тебя—значитъ измѣнить Человѣчеству и позабыть живущаго въ немъ Бога.

Александръ Амфитеатровъ.

...У всякаго народа—своя исторія, а въ исторіи свои критическіе моменты, по которымъ можно судить о силѣ и величіи его духа, и разумѣется, чѣмъ выше народъ, тѣмъ грандіознѣе царственное достоинство его исторіи, тѣмъ поразительнѣе трагическое величіе его критическихъ моментовъ...

Вѣлинскій.

СЛАБАЯ ГОЛОВА.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Проснулся утромъ Ивановъ, потянулся, повернулъ голову къ окну, посмотрѣлъ на гроздья обрызганной росой сирени, дремавшей въ саду, подумалъ немного и вдругъ, дико закричавъ, вскочилъ съ постели:

— Боже ты мой! Да вѣдь Россіи нѣтъ больше!

— Что съ тобой?—недовольно спросила жена.

— Россіи нѣтъ больше,—повторилъ Ивановъ, сидя на кровати и покачивая головой, какъ при сильной зубной боли.

— Ну?

— Говорю: Россіи больше нѣтъ.

— Да тебѣ-то что? Что ты царь что-ли?

— Дура.

— Самъ. Извольте видѣть—спохватился: Россіи нѣтъ! Сегодня только узналъ, что ли? Давно уже къ этому шло... Я, какъ только впервые узнала, что обыкновенная суконная юбка обходится въ четыреста рублей—такъ сразу и поняла: э, кончилась Россія!

— Дура.

— Самъ. Чего жъ ты вчера не стоналъ, а сегодня застоналъ?

Ивановъ повернулъ къ женѣ блѣдное серьезное лицо.

— Ты видѣла когданибудь, какъ мать хоронитъ сына?

Видѣла, какъ стоитъ этакая старушенція и спокойными глазами смотритъ, какъ опускаютъ гробъ на полотнцахъ. И вдругъ—ни съ того, ни съ сего—какъ завоетъ старая! Почему она раньше, за минуту до этого не плакала; не знала она, что-ли, что сынъ умеръ? Не чувство вала? Нѣтъ. Знала и чувствовала, но все это скользило мимо, и она больше хлопотала о томъ, чтобы катафалкъ былъ попыннѣе, да поминальнымъ обѣдомъ не ударить лицомъ въ грязь... Да чтобы свѣчи горѣли, какъ слѣдуетъ, да чтобы гробъ несли прамѣе. И вдругъ среди этихъ дѣлъ и хлопотъ, понимаешь ли, подкатило подъ сердце и сразу осознала она вся, съ ногъ до головы, всѣмъ мозгомъ и сердцемъ: „да вѣдь сына—то нѣтъ!“ Вотъ такъ и я. Всѣ мы хлопотали, чтобы покойницу обрядить попыннѣе, а сегодня утромъ взглянулъ я на сирень, на росу, на солнце, да и взвылъ, какъ песь по покойнику: да вѣдь Россіи-то нѣтъ!

— Причемъ тутъ сирень?—тупо спросила жена.

— А бѣсъ ее знаетъ—причемъ? Старуха-то тоже воззрится на край гроба съ позументомъ, сверкнувшимъ на солнцѣ, и заплачетъ. Не объ позументѣ же она реветъ, прости Господи.

ПРИВѢТЪ ТЕБѢ ФРАНЦУЗСКІЙ РАБОЧІЙ,

Гв. Фе-Ми.

напряженнымъ трудомъ свсимъ помогающему великому дѣлу свободы великой Франці!..

Жена почесала голое плечо и самодовольно сказала:

— Слава Богу, что еще сами живы остались. Выскочили очень даже счастливы.

Взяла полотенце и, напѣвая что то, отправилась въ уборную.

Ивановъ тоскливо поглядѣлъ въ уголь, повернулся къ высѣвшему надъ столомъ портрету Пушкина и сказалъ:

— Вѣроятно вы поймете меня Пушкинъ. Шибашъ, братъ. Нѣтъ Россіи. Я думаю, вы бы также выли отъ этой потери, Пушкинъ, какъ и я...

Онъ подошелъ ближе, оперся о столъ и, наклонившись къ самому портрету, интимно заговорилъ:

— Мы ее любили съ вами и понимали. Какъ вы описывали Кавказъ! А Крымъ... А гдѣ они теперь, Кавказъ и Крымъ... Въ Кишиневъ васъ, помню, сослали, въ Бессарабію... А гдѣ она сейчасъ, Бессарабія?.. Они не только Россію, они васъ разорвали на куски, Пушкинъ... Чудесно это у васъ выходило: „Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звѣзды блещутъ... Своей дремоты превозмочь не хочетъ воздухъ“... Какъ вы писали! Воздухъ даже вы понимали... Такъ ему хорошо, что даже своей дремоты не хочетъ превозмочь! „Луна спокойно съ высоты надъ Бѣлой Церковью сіяетъ“. Повѣрите ли вы мнѣ, если я скажу, что въ Бѣлой Церкви сейчасъ германскіе ландштурмисты, какъ хозяйева, гуляютъ! Гдѣ вы теперь, Пушкинъ? „Съ кувшиномъ охтенка спѣшитъ, подъ ней снѣгъ утренній хруститъ“. А теперь охтенка никуда не спѣшитъ съ кувшиномъ, потому что, все равно, вынесешь — Хулиганы отнимутъ... Пушкинъ! Я знаю, что разрываю вамъ сердце, но не могу не сказать. „Ужъ небо осенью дышало, ужъ рѣже солнышко блистало... Короче становился день... Лѣсовъ таинственная сѣнь съ печальнымъ шумомъ обнажилась“. Почему она обнажается эта таинственная сѣнь? Лѣса рубятъ, Пушкинъ! Жгутъ ихъ рубятъ, уничтожаютъ! Что мужикъ не вырубилъ — совдепъ докончитъ.

— Кто-о?—удивленно спросилъ Пушкинъ.

— Совдепъ. Вы только Лермонтову всего этого не говорите, а то узнаетъ—разстроится. Онъ вѣдь нервный. Вамъ-то я это все рассказываю потому, что вы изъ желѣза сдѣланы, все вынесете! А Лермонтовъ пусть не знаетъ. И Гоголю не говорите. Онъ русскую тройку прелотѣнно описалъ, а куда она поскакала—пусть лучше не знаетъ. Да и въ тройку-то эту вмѣсто лошадей оказалась впреженной такая дрянь, что и говорить не хочется. Нѣтъ Россіи, милые вы мои. Она была, когда Селифонъ былъ Селифаномъ и Петрушка—Петрушкой. Мнѣ бы интересно, впрочемъ, было посмотреть на лицо Гоголя, когда онъ узнаетъ, Селифонъ нынче предсѣдатель Тульского исполкома, а Петрушка первый человѣкъ въ театральной секціи „Пролеткульта“ и къ нему самъ Луначарскій прислушивается... Знаетъ ли уважаемый Николай Васильевичъ, что Маниловъ разстрѣлянъ собственными мужичками за саботажъ?! Знаетъ ли, что генералъ Петрищевъ продаетъ на Невскомъ газеты?!

— Я ему не скажу,—задумчиво прошепталъ Пушкинъ.—Разстроится.

— Ничего теперь нѣту въ Россіи,—шепталъ, наклонившись къ уху Пушкина и лихорадочно дрожа, Ивановъ.—Ни тихихъ закатовъ на рѣкѣ, ни душистыхъ степныхъ травъ, ни воскреснаго радостнаго звона колоколенъ, ни задумчивыхъ дѣвушекъ у старыхъ каменныхъ воротъ помѣщицкѣй усадьбы, ни лихихъ гусарскихъ ротмистровъ, ни золотистыхъ пшеничныхъ кренделей въ окнѣ булочной, ни благородства и смерти за родину, ни московской селянки, ни уютныхъ волжскихъ пароходовъ, ни гуртовъ овецъ, гонимыхъ усталымъ, но довольнымъ гуртовщикомъ по жаркой пыльной проселочной дорогѣ...

— Вино есть?—спросилъ Пушкинъ, будто что-то соображая.

— Которое? Гдѣ? Ни Боже мой! Ханжу пьютъ, дымокъ, самогонку, денатурированный твердый спиртъ на хлѣбъ намазываютъ, кокаинъ нюхаютъ.

— Бѣдный Николай Васильевичъ,—печально усмѣхнулся Пушкинъ.—Значитъ, уже нечего настаивать ни на золотыя тысячники, ни на персиковыхъ косточкахъ, ни на смоудиновомъ листу... И впрямь, неладное что-то съ Россіей...

— Александръ Сергѣвичъ, вѣрьте совѣсти,—завопилъ Ивановъ, прижимая къ груди.—Вѣрьте совѣсти—нѣтъ Россіи. Будемъ стонать, мы, русскіе! Не зальются больше соловьи въ густыхъ курскихъ садахъ, не зареветъ Днѣпръ

мощнымъ голосомъ, не зазвонитъ русская пѣсня, когда выйдутъ косцы косить высокую сочную траву! Хамъ пляшетъ на пожарищѣ, воронье каркаетъ надъ падалью, и горько рыдаетъ родимая надъ сыномъ, разстрѣляннымъ за саботажъ и контръ-революціонныя мысли. Трещить и ломается Россія, отваливаются огромные куски—нынче вольная Сибирь, завтра роскошный Кавказъ, цвѣтушій Крымъ, хлѣбородная Бессарабія, Украина, Польша, Литва, Бѣлороссія... Камо грядеши, ты, русскій интернаціоналистъ? Камо? Въ преисподнюю прешь ты, сукинъ сынъ... Повѣрьте, Александръ Сергѣвичъ...

Жена вернулась, обтирая полотенцемъ влажныя руки и замерла въ ужасъ, слыша безсвязный монологъ, обращенный къ Пушкину.

— Ваничка! Что съ тобой?!—ахнула она.

— Маруся!—схватилъ себя за голову Ивановъ.—Все кончено! Луна больше не засіяетъ надъ Бѣлой Церковью и перепела не зальются въ утреннемъ жаркомъ небѣ. Мальчишекъ радостный народъ больше не будетъ коньками рѣзать ледъ. Сами мальчишки нынче перерѣзаны! Нѣту больше „на красныхъ лапкахъ тяжелаго гуся“. Слопали! Все слопали! Одна у меня къ тебѣ просьба: встрѣтишь если Иванъ Сергѣевича Тургенева—не говори ему обо всемъ этомъ, не говори ему, что Ермолай отъ голодухи сожралъ Валетку... Нынѣ отпускаеши... Жди меня, Россія! Шагаю сейчасъ за тобой и по твоимъ стопамъ... Прощай, братъ Пушкинъ.

— Есть надежда?—тихо спросила у доктора плачущая жена.

— Какое! Безнадеженъ. Очень острая форма.

— Ваничка! Скажи мнѣ чтонибудь...

Ваничка пріоткрылъ усталые глаза и прошепталъ:

— Съ своей волчихою голодной выходитъ на дорогу волкъ. Докторъ! Куда вы меня повезете?

Докторъ и его ассистентъ дипломатично промолчали. Взяли подъ руки русскаго человѣка и отвезли въ дѣмикъ, находившійся въ вѣдѣніи совнарздера.

Всѣ тамъ будемъ.

Арвадій Аверченко.

МИМОХОДОМЪ.

Недавно въ оффиціозномъ изданіи вышла исторія проф. Ключевского. Книжка напечатана по новой орфографіи. Это идетъ къ исторической книгѣ точно такъ-же, какъ дождевой зонтикъ верблюду. Нужно предварительно одичать, обрости волосами и разговаривать вслухъ только во снѣ, чтобы читать: „меры предвидения стихии“...

Раньше на серьезныхъ книжкахъ ѣли пирожки и покрывали ими банки съ вареньемъ. Теперь ихъ портятъ еще въ самой типографіи. У такихъ книгъ могутъ быть не читатели, а только испуганные зрители.

* * *

Какъ устарѣли энциклопедическіе словари!..

До сихъ поръ въ нихъ рассказываются сказки, что чехи и словаки живутъ въ восточной части Австріи.

А въ Самарѣ тогда кто живетъ? Индусы?

Впрочемъ карта Россіи изъ географической сдѣлалась обыкновенной игральной. И самой маленькой. Любой король ее бьетъ.

* * *

Наивысшей предѣлъ обожанія и непостижимой силы любви, въ русскомъ Эпосѣ лучше всего вылился въ одной заводской частушкѣ:

Голуба твоя рубашка.

Мою сердцу—сапоги!

Содружество лѣвыхъ эсэровъ съ большевиками построено, кажется, на этомъ же фундаментѣ. Другихъ болѣе реальныхъ основаній что-то не замѣтно.

ЗАПИСКИ ТЕАТРАЛЬНОЙ КРЫСЫ.

Отрывокъ изъ либретто бакинскаго опернаго театра:

*Улица въ Дикачкѣ (?) Парни и
дѣвушки вмѣстѣ съ Оксаной Коля съ
дуней и поютъ...*

Откуда въ „Черевичкахъ“ взялся Коля съ Дуней—умрете, не догадаетесь.

А просто: Коля съ Дуней—это бакинцы переводятъ такъ слово „колядуютъ“.

Въ Кременчугѣ народъ еще проще. Тамъ оперу „Самсонъ и Далила“ назвали дружески, интимно:

— Самсонъ Данилыч!

* * *

Въ Туркестанѣ водится этакій крохотный черный паучекъ, называемый по туземному кара-куртъ. И если: этотъ крохотный паучекъ укуситъ огромнаго верблюда—верблюдъ распухаетъ, лопаются и издыхаетъ.

Мейерхольдъ очень напоминаетъ такого крохотнаго кара курта. Существовало въ Луна-Паркѣ очень недурное культурное не-злобнское товарищество актеровъ.

Ставили чистенькія грамотныя пьесы. Зарабатывали. Кормились. Но подползъ маленькій кара-куртъ — Мейерхольдъ и укусилъ мирнаго верблюда—реквизировалъ театръ для какихъ-то больше-вистико-пролеткульскихъ цѣлей.

И что-же!

Верблюдъ раздулся и лопнул!!

Газеты сообщаютъ, что премьера пролеткульскаго театра — „Ткачи“ Гауптмана — дала что-то — 49 рублей 50 копѣекъ.

— И то мелочь,—какъ сказала одинъ мальчикъ, получивъ подзатыльникъ.

А паучишка вильнулъ задомъ и бодро поползъ къ слѣдующему театру...

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

Петроградъ.

Вологда. Ярому. Такъ писать нельзя:

— „Она ѣла меня глазами и всѣмъ остальнымъ“. Даже самая способная женщина не можетъ никого съѣсть ногой, или локте-

вымъ суставомъ. Если это вамъ рассказали уважаемые люди—перестаньте ихъ уважать. Не стоятъ они этого.

Тосно. Ч—му. Ваше любезное предложеніе „изрѣдка посылать стишки по продовольственному вопросу“ насъ искренно обрадовало, какъ всякая частная инициатива въ этомъ сложномъ дѣлѣ. Сообщите срочно можете-ли писать также стишки по вопросамъ муниципальнаго хозяйства. Очень обяжете.

Москва. Энег. Ваше стихотвореніе, особенно его заключительныя строки глубоко тронули насъ. Да и кого не тронетъ этотъ искренній призывъ вдумчиваго человѣка:

— Къ чорту нытье, надоѣла политика,
Зачѣмъ горевать безъ причины:
Вы лучше всѣ, всѣ, всѣ посмотрите-ка,
Какая изящная ножка у Нины.

Послана делегация. Предупредите Нину.

Новг. родъ. С. И. В—у. Ваше извѣщеніе о томъ, что со своими рукописями Вы собираетесь прѣхать лично, застало насъ врасплохъ. Все-же мы успѣли принять кое-какія мѣры. Живыми мы не сдадимся.

Москва Стрѣлку. Вашъ герой, Стрѣлокъ, только и дѣлаетъ что: „Онъ перешагнулъ черезъ трупъ своей мечты“.

„Онъ рѣшительно перешагнулъ черезъ трупъ прошлаго“.

„Ему пришлось для этого перешагнуть черезъ трупъ былой вѣры“.

Не надо обращаться съ героями собственныхъ рассказовъ какъ съ собаками. Пустите его лучше походить по ровному мѣсту, чѣмъ ежесекундно скакать черезъ трупы. Не думайте, что такая ходьба съ препятствіями услаждаетъ жизнь и вызываетъ зависть окружающихъ.

Здѣсь. Тому, Х—у, Зинь, С—ву, И. М. Э.—Не подошло. Плохо братцы, пишете. Нельзя отъ васъ этого отнять.

Б.

Редакторы: { *А. Т. Аверченко.*
А. С. Буховъ.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88.—Тел. 59-07.

Вышла новая книга рассказовъ. **Арк. Бухова.**
„Разговоръ съ сосѣдомъ“.

Изданіе „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

6-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМСРА
на 1918 годъ.

„Новый Сатириконъ“.

52 №№ обильно иллюстрированнаго | 2 цѣнныхъ премій (бесплатно).
журнала въ краскахъ.

за 12 мѣс. (съ преміями)—30 руб. за 6 мѣс.—15 руб., за 3 мѣс.—
7 р. 50 к. и за 1 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88, Тел. 59-07.

Готовится къ выходу въ свѣтъ новая книга пьесъ

АРК. АВЕРЧЕНКО.

Въ эту книгу, кромѣ новыхъ пьесъ, войдутъ и прежнія изъ первыхъ сборниковъ, цѣликомъ разошедшихся.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со еклада издательства на сумму не менѣе 5-ти руб. за пересылку не платятъ.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Аркадій Аверченко.

Синее съ золотомъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Подходцевъ и двое другихъ

Цѣна 3 руб. 50 коп.

О хорошихъ въ сущности людяхъ

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

О маленькихъ для большихъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Для выздоравливающихъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Сатириконцы въ Европѣ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Чудеса въ рѣшѣтѣ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Тэффи.

Неживой звѣрь.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Ничего подобнаго.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Дымъ безъ огня.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Карусель.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Аркадій Буховъ.

Чортово колесо.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Тихія непріятности.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Жуки на булавахъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Разговоръ съ сосѣдомъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

НОВОСТЬ.

Поступили на книжный складъ
„НОВАГО САТИРИКОНА“.

НОВОСТЬ.

Въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ

Слѣдующія изданія:

Маркъ Твенъ. Полное собраніе на прекрасной плотной бумагѣ; въ изящныхъ красочныхъ переплетахъ — 12 томовъ. Цѣна 40 р. — к.
Отдѣльные законченные томы по 3 » 50 »

Изящныя изданія въ красочныхъ переплетахъ:

Азовъ, Влад. „Цѣтныя стекла“ 3 » — »
В. М. Дорошевичъ. „На смѣхъ“ 3 » — »
Озаровская. „Мой репертуаръ (сборн. монологовъ для сцены)“ 3 » 50 »
О. П. Д'Орь. „Рыбы пляски“ 3 » — »
О. П. Д'Орь. „О сѣренскихъ людяхъ“ 3 » — »

Роскошныя изданія для подарковъ:

Экспедиція въ западн. Европу—Арк. Аверченко—иллюстриров. альбомъ больш. форматъ, въ переплетѣ 8 » — »

Всеобщая исторія, въ переплетѣ, иллюстр. (больш. форматъ) 6 р. — к.
Галлерея градоначальниковъ города Глухова 6 » — »
Комплекты журн. „Сатириконъ“ за 1909, 1910 и 1911 г.г. (библиографическая рѣдкость). Въ перепл. за 1 годъ 25 » — »
Безъ перепл. „ „ 20 » — »
На веленовой бум. въ перепл. 40 » — »

* * *

Юрій Бѣляевъ. „Красный кабачекъ“ 2 » — »
О. П. Д'Орь. „Русская Исторія“ иллюстр. 2 » 50 »
Юмористическіе рассказы Л. Андреева и А. Куприна, 2 тома 3 » — »
Сокровища искусства—большой альбомъ пародій на знаменит. произв. иск. 5 » — »
Монографія объ иностр. каррикатурахъ—А. Радакова 3 » — »

Высылка книгъ производится по полученіи стоимости заказа.

Книжнымъ магазинамъ—скидка обычная.

1940
Авт. № 210/30

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ ФРАНЦІЯ—

Рис. К. Груса.

morituri te salutant...

Handwritten signature or mark.